
Клюква в сахаре
Побединская Анастасия

Анастасия Побединская

Клюква в сахаре

«Эксмо»
2026

Побединская А.

Клюква в сахаре / А. Побединская — «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-256113-9

Наташа — офис-менеджер, которая по ночам печет круассаны и мечтает о собственном кондитерском деле, но боится рискнуть. За стеной живет Зинаида Васильевна — семидесятилетняя соседка в шелковом халате, которая пьет кофе под джаз и кажется Наташе невыносимо счастливой без всякой причины. Однажды у Наташи срывает кран, и на помощь приходит именно та, кого она считала «старой клячей». С этого начинается дружба, которая перевернет все: Зинаида Васильевна передаст Наташе семейные рецепты, предложит пари «Месяц свободы» и докажет, что начать жить по-своему можно в любом возрасте — даже если тебе скоро тридцать лет и ты до смерти боишься разочаровать маму. «Клюква в сахаре» — теплая, смешная и искренняя история о выпечке, джазе, дружбе через поколения и смелости, которая прячется не за громкими подвигами, а за маленькими шагами. О том, как перестать откладывать жизнь на потом — и разрешить себе быть счастливой.

ISBN 978-5-04-256113-9

© Побединская А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Анастасия Побединская
Клюква в сахаре

Посвящается моим самым любимым людям: доченьке Соне, самому лучшему в мире мужу (крепких нервов тебе на долгие годы),

маме (спасибо тебе за силу), папе,

любимой сестре (ты моя опора),

тёте Любе (вам тоже крепких нервов),

моим самым-самым смелым, добрым, сильным друзьям: Машуле и Мише Андроникам, Эле и Сержику Филатовым, Лерочке Кошелевой, моим трудовым друзьям: Оле Немировский, Никите Шульгину, Юлечке Левадной.

Без всех вас не было бы меня, этой книги и какого-либо смысла.

Глава 1

Будильник заорал ровно в 6:45 с той мерзкой настойчивостью, на которую способен только китайский динамик за триста рублей. Наташа, не открывая глаз, шлёпнула ладонью по тумбочке, промахнулась и смахнула на пол тюбик с кремом для рук. Он покатился под кровать к своим собратьям – давно потерянной резинке для волос и клубкам из пыли. В голове тут же включился диалог. Один голос отрицал наступление понедельника, другой напомнил об ответственности и приближающейся выплате за ипотеку.

Наташа села на кровати и накинула одеяло на плечи, но, почувствовав, что способна уснуть даже в таком положении, встала и подошла к окну. Вид открывался эпичный: серое небо, серый дом напротив и чей-то серый кот, меланхолично вылизывающий лапу на балконе. Красота. Она сунула ноги в тапки – пушистые, с ушками, купленные на «Вайлдберриз» в три часа ночи во время приступа острой прокрастинации. Тапки выглядели как два мёртвых хомяка. Настроение было под стать. Но нужно было срочно исправлять положение.

– Наталья Сергеевна, вы огонь, – сказала она своему отражению в зеркале ванной.

Дальше ответа не последовало. Отражение выглядело невыспавшимся и не желало вести беседы. Ночью Наташа не спала не из-за сериала и не из-за мыслей о бывшем (ну, разве что самую малость). Ночью она пекла. В её крошечной кухне, зажатой между газовой плитой «Гефест» и холодильником «Бирюса», с полуночи до трёх творилось чистое волшебство. Она готовила круассаны.

Выпечка была для Наташи настоящей отдушиной. Когда она надевала передник, закатывала рукава, просеивала муку и то мяла, то замешивала тесто, мир вокруг переставал существовать. Этот процесс был круче любой медитации. Было так приятно ощущать, как обычные продукты объединяются и оживают в руках. А звука лопающихся пузырьков дрожжевого теста просто лучше и не придумаешь.

И вот в этот раз Наташа замахнулась на святое – на круассаны. Тесто она замесила ещё в субботу – долгое, капризное, слоёное тесто, требующее добавления большого количества нежного сливочного масла и чуть ли не тысячи раз складывания его конвертиком. И вот ночью, когда город за окном наконец заткнулся, она включила духовку и кухня наполнилась запахом топлёного масла, ванили и абсолютного, невыносимого счастья. Ради этих пятнадцати минут аромата стоило жить. Даже если утром надо тащиться в офис.

Из ванной Наташа прошлёпала в кухню. На решётке, накрытые чистым вафельным полотенцем в мелкую красно-белую клетку, остывали те самые круассаны. Золотистые, пузатые, слоящиеся тончайшими пластинками. Она взяла один. Укусила. Маслянистая крошка осыпалась на стол. Внутри мякиш был влажным, упругим, с тонкой ноткой кислинки.

Это было божественно. И совершенно бессмысленно. Потому что есть их было некому. Ну, то есть ей самой их и лопать. Но это, пожалуй, звучит уже не как гастрономический оргазм, а симптом. Симптом того, что жизнь дала трещину.

Запив круассан холодными остатками вчерашнего кофе, Наташа пошла собираться. Процесс «превращения в офисного лебедя» занял ровно семнадцать минут. Джинсы нейтрального цвета, блузка нейтрального цвета, лицо нейтрального выражения. Волосы в хвост. Тушь. Тон. Готово. Из зеркала смотрела девушка, готовая отвечать на звонки, заказывать воду для кулера и делать вид, что ей интересен график продаж вентиляционного оборудования. Восемнадцатую минуту Наташа потратила на то, чтобы закинуть вещи в стиралку и включить ее. Стирка копилась уже неделю. Было неправильно оставлять вещи киснуть целый день в барабане за закрытой дверцей, но деваться было некуда. В шкафу остались последние чистые трусы самого непарадного вида.

Офис находился в бизнес-центре класса «Б+», что в переводе с риелторского на человеческий означало «стеклянный сарай с кондиционером, который работает только на обогрев в июле и на холод в январе». Когда Наташа вошла в опенспейс, её обдало запахом. Это был тот самый, ни с чем не сравнимый амбре: смесь прокисшего кофе из автомата, дешёвого освежителя воздуха «Морской бриз» и чего-то неуловимо казённого. Запах безысходности. Парфюм «Душа рабочего класса».

– Наташ, привет! – пропела Леночка из отдела кадров, пробегая мимо с чашкой, из которой свисал пакетик с ромашкой. – Как выходные?

– Продуктивно, – кивнула Наташа, вспоминая рассыпчатую крошку круассана.

– Ой, ну ты молодец! А я всё «Слово пацана» пересматривала, лежала тюленем, – засмеялась Леночка и упорхнула.

Наташа села за свой стол. Включила компьютер. На мониторе замаячила заставка – пальмы, океан, закат. Картинка из интернета. Наташа на Бали никогда не была, но пальмы ей нравились – они не требовали заполнять товарно-транспортные накладные и не орали на неё из-за сломанного принтера. Принтер, кстати, зажужжал и напомнил о том, что до пальм ей как до Китая.

– Наталья! – раздался голос из-за стеклянной перегородки.

Голос принадлежал Эльвире Арнольдовне, начальнику административно-хозяйственного отдела. Наташа между собой звала её «Крокодил Гена». Не потому что Эльвира была зелёной, а потому что она так же нелепо и неуклюже пыталась играть на гармошке корпоративной этики, при этом разевая пасть только для того, чтобы кого-то сожрать.

Сегодня Крокодил Гена была в ударе. На ней был брючный костюм цвета «вырви глаз фуксия» и массивные золотые серьги, делавшие её похожей на цыганскую баронессу, по ошибке возглавившую отдел снабжения.

– Наталья, вы заказали торты на День фирмы?

Наташа вздрогнула. Торты. Точно. В прошлую пятницу Эльвира Арнольдовна поручила ей ответственнейшее задание: выбрать и заказать три торта для корпоративного чаепития в честь двенадцатилетия компании.

– Да, Эльвира Арнольдовна. Всё согласовано. «Наполеон», «Прага» и фруктовый бисквит. Доставка в среду к двум.

– Надеюсь, фрукты будут свежие, – поджала губы начальница. – В прошлый раз у них киви было деревянное. Я чуть зуб не сломала. А у меня, между прочим, виниры. Знаете, сколько стоят виниры?

Наташа не знала и знать не хотела. Она кивала, как болванчик, мысленно представляя, как берёт этот самый киви и с наслаждением вдавливает его в… в тесто. В сдобное, дрожжевое тесто.

Телефон в кармане пискнул. Пришло уведомление из Pinterest. Кто-то лайкнул её доску «Выпечка как искусство». Наташа машинально глянула. Там была фотография тарталеток с заварным кремом и свежей малиной. Малина блестела. Крем был воздушным. Наташа почувствовала, как у неё заныло под ложечкой. Но не от голода. От тоски.

«Почему они могут?» – подумала она, пролистывая ленту. Там были девушки в фартуках, испачканных мукой. Они стояли в светлых кухнях с панорамными окнами. Они улыбались. Они писали в блогах: «Я уволилась с нелюбимой работы и открыла свою пекарню. Это лучшее решение в моей жизни!». Наташа скрипнула зубами.

– Ага, уволилась она, – прошипела она себе под нос, закрыв вкладку. – А ипотека? А если кризис? Посмотрим, как ты запоешь через полгода, когда мука подорожает и клиенты разбегутся. Стабильность, дура, вот что важно. Соцпакет, оплачиваемый больничный. А это всё… баловство.

Её палец сам нажал на кнопку «Скрыть пины от этого пользователя». Прятать чужое счастье было приятно. Немного стыдно, но приятно. Как съесть эклер в одиночестве, стоя у открытого холодильника в час ночи.

День тянулся. Звонки. «Алло, вы нам счёт не прислали». «Алло, у нас картридж закончился». «Алло, а почему в туалете бумага опять серая?». К трём часам дня Наташа была морально выпотрошена настолько, что хотелось лечь лицом в клавиатуру и чтобы на лбу отпечаталось: «F1 – HELP». Она вышла на офисную кухню за очередной порцией бурды из кофемашины. На столе сиротливо стояла открытая коробка с очень дешёвым покупным печеньем. Кто-то заботливо оставил записку: «Угощайтесь! Леночка К.».

Наташа взяла печеньку. Откусила. Сладко. Сухо и одновременно жирно. С привкусом маргарина и детства. Она вспомнила свои круассаны, оставшиеся дома. Вспомнила, как стояла над кастрюлей с заварным кремом, помешивая его венчиком, и чувствовала себя… живой. Настоящей.

В кармане снова завибрировало. На этот раз не Pinterest. Уведомление из чата дома. «Уважаемые жильцы! В связи с плановой проверкой будет отключена горячая вода на 10 дней. Приносим извинения». Наташа вздохнула. Великолепно. Помыться будет нельзя, зато можно будет согреваться мыслью о том, что у тебя есть «стабильная работа».

Домой она возвращалась уже затемно. Город встретил её мелкой моросью и запахом бензина, смешанным с ароматом жареной курицы из ларька с шаурмой. Войдя в подъезд, она привычно поморщилась – пахло сыростью и чьей-то старой обувью. Лифт, дребезжа как консервная банка на верёвочке, медленно повёз домой.

Выйдя на площадку, Наташа услышала звук. Из-за стены, из квартиры 147, доносился джаз. Саксофон выводил ленивую, тягучую мелодию, похожую на подтаявший шоколад. И под эту музыку раздавалось бодрое цоканье каблуков. Наташа замерла с ключом в руке.

«Опять она!» – с раздражением подумала Наташа, глядя на дверь соседки. – «Старая карга. И чего ей дома не сидится? Чего ей каблуки надраивать в десять вечера? Как будто к ней Джордж Клуни на чай зайдет».

Зинаида Васильевна жила одна. Ей было семьдесят лет. И каждое утро (и каждый вечер, как выяснилось) она слушала музыку, пила кофе и ходила по квартире в шелковом халате. Наташа знала это, потому что иногда видела её на балконе.

Наташа вошла к себе, бросила сумку в угол коридора и, не переодеваясь, сразу прошла на кухню. На решётке всё ещё лежали круассаны. Чуть заветрившиеся, но всё ещё прекрасные. Она взяла один и прошлепала в ванную. Нужно было вывесить скучающее целый день в стиральной машинке бельё. Наташа взяла таз и вышла на холодный балконный воздух и принялась развешивать вещи на старую, провисшую верёвку. Она была натянута ещё при Брежневе, кажется, и держалась на честном слове и ржавых гвоздях. В такую погоду было бы логичнее развесить бельё в квартире, но ноги как-то сами понесли Наташу на балкон в автоматическом режиме.

Наташа потянулась прицепить прищепку с носком. Верёвка вздрогнула. Издала протяжный стон… И лопнула. Мокрые трусы, лифчик цвета «нюд» и пара полосатых носков, красиво планируя в свете уличного фонаря, полетели вниз, в темноту двора.

– Да ёлки-палки! – вырвалось у Наташи. Она закрыла лицо руками и издала звук, похожий не то на стон, не то на рычание.

– Наташенька! – раздался сбоку звонкий, как колокольчик, голос.

Наташа повернула голову. На соседнем балконе, буквально в двух метрах, стояла Зинаида Васильевна. В своём легендарном шелковом халате цвета спелой сливы, с чашкой кофе в одной руке и с длинной деревянной шваброй в другой. На конце швабры болтались Наташины кружевные трусы.

– Вы уронили, а я подхватила, – улыбнулась Зинаида Васильевна, ловко подтягивая швабру с трофеем к себе. – Дивное кружево, Наташенька! Очень идёт к вашему цвету глаз. Только сохнет, наверное, плохо? Вы бы крахмалом их. Или нет, в наше время крахмал уже не в моде. Сейчас, кажется, кондиционером.

Наташа стояла, открыв рот. Холодный ветер трепал её растрёпанный хвост. В одной руке она сжимала бесполезную прищепку, другой придерживала на груди старую растянутую футболку.

Она ненавидела эту женщину. Ненавидела её шёлк. Её джаз. Её кофе. Её умение в семьдесят лет выглядеть так, будто жизнь – это вечный курорт, а не бесконечная череда проблем и отчаяния.

– Спасибо, – выдавила Наташа сквозь зубы. – Вынесите, пожалуйста, в подъезд. Я сейчас заберу.

– Ой, да не спешите вы так! – удивилась Зинаида Васильевна, разглядывая трусы на свету фонаря, как картину в Третьяковке. – Хотя… Если хотите, заходите на чай? У меня кантуччини домашние. С миндалём.

– Спасибо, я на диете, – соврала Наташа, разворачиваясь и уходя с балкона.

Она плотно закрыла за собой дверь. Прислонилась спиной к холодному стеклу. Внутри всё клокотало.

«Кантуччини с миндалём», – передразнила она мысленно. – «Сейчас расплачусь от умиления. Старая кляча. Ходит там, музыку свою крутит. Пенсия восемнадцать тысяч, балкон скоро рухнет к чертям собачьим, а она зубы скалит и кофе пьёт. Чему радоваться-то?!»

На лестничной площадке никого не оказалось. Наташа подождала пару минут, закипая от злости, и вернулась в свою квартиру. Обессиленной она прошла на кухню, села за стол и с остервенением откусила от круассана. Он был восхитительно вкусным. И ей было так одиноко от этого вкуса, что захотелось завыть в голос.

Но она не завыла. Потому что завтра был вторник и нужно держать себя в форме. Она ещё не знала, что до прорыва крана и полного крушения её «стабильной» жизни оставалось ровно три дня.

Глава 2

Утро вторника началось с того, что Наташа обнаружила на ручке входной двери полиэтиленовый пакет. Внутри, аккуратно сложенные и источающие запах лавандового кондиционера, лежали её кружевные трусы, лифчик и два полосатых носка. К пакету была приколота записка, написанная каллиграфическим почерком с завитушками: «Наташенька, вещи в целости. Трусы высохли отлично, я проверила. Кантуччини всё ещё в силе. Ваша З. В.»

Наташа прочитала записку трижды. С каждым прочтением градус её раздражения поднимался, как ртутный столбик в градуснике.

«Она проверила», – мысленно повторила Наташа, брезгливо внося пакет в прихожую. – «Она проверяла, высохли ли мои трусы. Она их щупала».

Картина, вставшая перед мысленным взором, была сюрреалистичной до зубовного скрежета: Зинаида Васильевна в своём халате цвета спелой сливы, с чашкой эспрессо, под звуки саксофона деловито ощупывает кружевную резинку Наташиного белья и кивает с видом эксперта. Но было не до конца понятным, откуда в пакете взялись лифчик и носки. Неужели Зинаида Васильевна с фонарём в руках искала их ночью во дворе?

– Господи, за что мне это, – прошептала Наташа в пространство и выбросила пакет в мусорное ведро.

Сегодня с утра она решила не краситься. В офисе всё равно никто не смотрит, а Эльвира Арнольдовна вчера вообще заявила: «Наталья, вы слишком ярко выглядите. Это отвлекает коллектив от трудовых задач». Комплимент ли это был или упрёк, Наташа так и не поняла, но косметику отложила. Сегодня коллектив будет в безопасности.

Дверь квартиры 147 была приоткрыта – буквально на ладонь. В щель просачивался аромат свежемолотого кофе и слышалось энергичное «ча-ча-ча, уно, дос, трес». Наташа посмотрела на экран телефона.

«Семь часов пятнадцать минут утра. Старая кляча танцует ча-ча-ча», – с каким-то мрачным изумлением констатировала Наташа и нажала кнопку лифта.

В маршрутке было душно. В офис Наташа вошла ровно в 8:57. Опенспейс гудел, как улей, в котором пчёлы внезапно осознали бессмысленность производства мёда и начали писать коллективную жалобу в профсоюз. Леночка из кадров стояла у кулера и, активно жестикулируя свободной рукой, рассказывала:

– …и она такая: «Ах, у меня йога в семь, мне нужно бежать», – а я говорю: «Света, ты же главный бухгалтер! Какой „бежать“?! У нас квартальный отчёт горит синим пламенем, у меня глаз дёргается, а у тебя – „шавасана“?!»

– И что Света? – спросил кто-то из бухгалтерии.

– А Света ушла. Сказала, что у неё тут «токсичная среда» и что её терапевт велел ей уходить ровно в шесть, даже если начнётся ядерная война. Представляешь?!

Наташа молча прошла мимо, села за свой стол и включила компьютер.

«Интересно, – подумала она, глядя в монитор, – какой процент людей на этой планете мечтает заниматься вентиляционным оборудованием с детства? Ноль? Отрицательное число? Может, где-то в параллельной вселенной маленький мальчик пишет в сочинении: „Когда я вырасту, я хочу продавать воздуховоды и колена вентиляционные оцинкованные“. Но мне кажется, даже в параллельной реальности такой экземпляр отведут к психологу».

– Наталья! – гаркнула Эльвира Арнольдовна, высунувшись из-за перегородки. Фуксиевый пиджак сегодня был заменён на жакет цвета лайма. От этого сходство с Крокодилом Геной усилилось. – Зайдите!

Наташа вошла в кабинет начальницы. Там пахло духами «Красная Москва» вперемешку с жидкостью для мытья мониторов. На столе стояла фотография йоркширского терьера

в костюме пчелы – по-видимому, единственного существа, которое Эльвира Арнольдовна искренне любила.

– Наталья, – Эльвира Арнольдовна сложила руки домиком. Ногти у неё были длинные, покрытые ярко-красным лаком. – Вы помните, что завтра День фирмы?

– Конечно.

– Так вот. В смете я предусмотрела не только торты, но и развлекательную программу. – Она сделала паузу. Наташа напряглась. – Вы умеете играть на гитаре?

– Э-э… нет.

– На аккордеоне?

– Эльвира Арнольдовна, я…

– Жаль. Тогда вы будете ведущей. Подготовьте небольшую викторину. Вопросы про нашу компанию. Например: «В каком году был заключён первый контракт на поставку вентиляторов в Пермь?» или «Каков диаметр самого крупного воздуховода, проданного в третьем квартале?» – нужно, чтобы коллектив сплотился и проникся корпоративным духом.

Наташа почувствовала, как где-то глубоко внутри неё, под слоем офисной пыли и растворимого кофе, умирает ещё одна клетка души.

– Сделаю, – сказала она вслух.

– И улыбайтесь, Наталья. День фирмы – это праздник!

Наташа вышла из кабинета и натянуто улыбнулась. До обеда она героически составляла викторину. Получилось пятнадцать вопросов. На десятом она поняла, что ещё немного – и она начнёт писать ответы в стихах. На двенадцатом – что ей глубоко безразлично, в каком году компания открыла филиал в Новосибирске. На пятнадцатом – что она ненавидит вентиляцию. Ненавидит воздух. Ненавидит Пермь за то, что та есть в вопросе номер восемь.

В обеденный перерыв Наташа достала из сумки контейнер с домашним круассаном (последним), налила себе кофе из офисного автомата и устроилась у окна. За окном шёл дождь. Серый, мелкий, как будто кто-то на небе просеивал муку через слишком частое сито. Она откусила круассан и закрыла глаза.

«Вот бы у меня была пекарня… или кондитерская», – подумала она. – «Маленькая. На первом этаже старого дома. С витриной. С кирпичной стеной и деревянными столами. Я бы вставала в пять утра, доставала из печи горячие багеты, и весь квартал пах бы хлебом. Люди заходили бы, улыбались, заказывали кофе с круассанами, и я знала бы каждого по имени».

– Наташ, ты чего с закрытыми глазами сидишь? Медитируешь? – раздался голос Леночки.

Наташа открыла глаза. Мечта разбилась о казённый потолок опенспейса.

– Головная боль, – соврала она.

– Ой, у меня тоже, – закивала Леночка, присаживаясь рядом. – Я вчера до ночи «Слово пацана» досматривала. Слушай, а ты не знаешь, что за женщина в комнате отдыха плакала? Говорят, из бухгалтерии кто-то уволился? То ли Света, то ли не Света.

– Это Света уволилась, – сказала Наташа. – Надоело перерабатывать.

– Кошмар, – выдохнула Леночка и отпила из чашки с ромашкой. – Как можно вот так взять и уволиться? Это ж страшно.

Наташа ничего не ответила. Она смотрела на свой контейнер. На донышке остались крошки. После обеда случилось событие, ради которого, как позже поняла Наташа, и был задуман весь этот унылый вторник. В дверях опенспейса появилась она… Это была девушка лет под тридцать, в светлом пальто, с короткой стрижкой и лёгкой улыбкой на лице. Она не шла – она плыла. От неё пахло не офисной пылью, а чем-то цитрусовым и тёплым. В руках у неё был бумажный пакет с логотипом «Хлеб & Масло».

– Алиса! – ахнула Леночка. – Ты?! К нам?!

Девушка засмеялась.

– Привет, девчонки! Я по делу, не волнуйтесь. Документы кое-какие забрать.

Это была Алиса Колокольцева. Год назад она работала в их фирме на позиции, которая называлась красиво и абсолютно бесполезно: «менеджер по развитию клиентского опыта». Никто не знал, что это значит. Алиса, кажется, тоже. Но год назад она уволилась. Прямо в разгар сезона отчётности, когда все вокруг сидели с квадратными глазами и пили корвалол, Алиса встала посреди опенспейса и сказала: «Я ухожу. Буду печь хлеб». Тогда все посчитали её сумасшедшей. Наташа – в первую очередь.

«Дура», – подумала она тогда, глядя вслед Алисе. – «Ну и катись. Посмотрим, как ты запоешь через месяц».

И вот теперь Алиса стояла перед ней. Сияющая. Похудевшая. Под трендовым пальто она была одета в джинсы, простую белую футболку. На ногах были миленькие замшевые ботинки на шнуровке. Никакого офисного нейтралитета. На запястье чернела свеженькая татуировка в виде колоска пшеницы.

– Ой, Алиса, ты просто… другая! – щебетала Леночка. – Как бизнес? Пекарня работает?

– Работает, – кивнула Алиса. – Сейчас вот вторую точку думаем запускать. Маленькая, но уютная. Приходите, девочки. Вам кофе за счёт заведения.

– Обязательно! – закивала Леночка. – Наташ, пойдём?

Наташа разлепила губы и попыталась сложить их в улыбку. Получилось неестественно и слишком пластиково.

– Здорово, Алиса. Поздравляю.

– Спасибо, Наташ! – Алиса посмотрела на неё открытым, тёплым взглядом. – Слушай, а я помню твои синнабоны. Ты же как-то приносила на день рождения в офис? Ты до сих пор печёшь?

Наташа почувствовала, как у неё вспыхнули кончики ушей.

– Иногда, – выдавила она. – Для себя.

– Зря, – сказала Алиса просто. – С твоим талантом надо для людей. Ну, если надумаешь – заходи. Я серьёзно.

Алиса попрощалась и убежала в отдел кадров. За ней захлопнулась дверь. В воздухе остался лёгкий цитрусовый шлейф. И тишина.

– Вот ведь повезло человеку, – вздохнула Леночка. – И муж у неё программист, и пекарня, и татуировка такая стильная.

«Повезло», – Наташа резко развернулась к монитору и прошипела про себя. – «Ага, повезло. Конечно. Муж-программист – вот и весь секрет. Если бы у меня был муж-программист, я бы тоже могла пекарни открывать. И увольняться. А когда у тебя никого нет и ипотека на одну зарплату – попробуй, увольсь. Попробуй, рискни. Соцпакет хоть как-то душу греет. А это всё… баловство».

Пальцы у неё дрожали. Она открыла браузер, вбила в поисковую строку «Хлеб & Масло» и уставилась на сайт пекарни.

Сайт был красивый. С фотографиями свежего хлеба. С карточками пирожных – эклеры, тарты, «Наполеон» в стаканчике. С разделом «Наша команда», где улыбающаяся Алиса держала в руках противень с багетами. И с ценами. Цены были нормальные. Не космические. Люди платят. Приходят. Едят. Наташа смотрела в экран и чувствовала, как внутри неё поднимается волна – горячая, горькая, стыдная. Она завидовала Алисе. Завидовала её смелости. Её дурацкой татуировке. Её светлому пальто. Её мужу. Её пекарне. Её способности просто встать и сказать: «Я ухожу. Буду печь хлеб».

«Такую не пробьешь обычными проблемами. У неё, наверное, нет соседки, которая в семьдесят лет пляшет ча-ча-ча и собирает чужие трусы шваброй», – мрачно подумала Наташа и захлопнула вкладку.

Вечер наступил незаметно. Серая морось за окном сгустилась в полноценный дождь. Наташа возвращалась домой в насквозь промокших кроссовках (зонт она забыла ещё в про-

шлый четверг) и с мокрыми волосами. Настроения не было никакого. Хотелось залезть в горячую ванну, но горячую воду отключили ещё вчера. Придётся доставать дежурную кастрюлю на этот случай, чтобы согреть воду на плите.

Войдя в подъезд, Наташа привычно ткнула кнопку лифта, но тот не приехал. Она пошла пешком. На площадке пятого этажа кто-то курил, стряхивая пепел в консервную банку. На седьмом громко ругались соседи – судя по обрывкам фраз, кто-то опять занял чужое место на парковке. На восьмом пахло жареной рыбой. Девятый встретил её звуком джаза. Из квартиры 147 доносилась песня Билли Холидей. Хрипловатый, обволакивающий голос пел о любви, о потерянном рае, о том, что всё будет хорошо. И под этот голос раздавалось ритмичное позвякивание – как будто кто-то мешал ложечкой в стеклянном стакане.

Наташа задержалась у своей двери. Прислушалась. Соседка не просто слушала музыку. Она подпевала. Тихо, негромко, но совершенно не стесняясь.

Она вошла в квартиру, скинула мокрые кроссовки и прошла на кухню. Постояла у холодильника, машинально открыла дверцу. Внутри было пусто и сиротливо. Одинокий йогурт. Помидор, начавший подозрительно морщиться. Упаковка маргарина.

Наташа закрыла холодильник и подошла к балконной двери. За стеклом шуршал дождь. В доме напротив горели окна. В одном кто-то смотрел телевизор. В другом женщина кормила ребёнка. В третьем мужчина сидел за компьютером, потирая лоб.

Под очень неудобным углом можно было увидеть, что творилось на соседнем балконе. Там была картина маслом: под навесом из поликарбоната стоял маленький деревянный столик, на нём – чашка, кофейник, книжка в мягкой обложке. Наташа выгнулась как дикая кошка и прилипла носом к стеклу, чтобы рассмотреть, что прячется дальше. В кресле, укрытая пледом, сидела Зинаида Васильевна. Она смотрела на дождь и улыбалась.

Наташа стояла в темноте своей кухни и смотрела на этот балкон, как на экран телевизора, показывающего другую жизнь.

– Клюква в сахаре, – вдруг сказала она вслух. Непонятно к чему. Просто в голове всплыло название рецепта, который она хотела попробовать в эти выходные. Клюква в сахаре. Нежный белый шар, а внутри – кислая, бодрая ягода.

На соседнем балконе Зинаида Васильевна взялась за книгу и с улыбкой погрузилась в чтение. Наташа отошла от стекла, села за кухонный стол и открыла ноутбук. Pinterest. Доска «Выпечка как искусство». Сегодня там было пополнение: кто-то выложил рецепт идеального «Наполеона» – с заварным кремом на желтках и коньяке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.